

**НИКОЛАЙ И ДМИТРИЙ ГОЛУБКОВЫ: ОТЕЦ И СЫН
(ВETERАН ПЕРВОЙ МИРОВОЙ, НАГРАЖДЕННЫЙ ГЕОРГИЕВСКИМ,
СЕРБСКИМ ВОЕННЫМИ КРЕСТАМИ, ФРАНЦУЗСКИМ «КРУА ДЕ ГЕРР»,
И ЛИТЕРАТОР, ГОРДИВШИЙСЯ СВОИМ ОТЦОМ В СТИХАХ И ПРОЗЕ)**

Грачев В.В.

Союз журналистов России, Москва

Мемуары о боевой юности, Первой Мировой войне и Русском экспедиционном корпусе во Франции мой прадед Николай Дмитриевич Голубков (1897-1961) записал незадолго до смерти по просьбе его сына — поэта, прозаика, живописца Дмитрия. В 1914 году, когда началась Первая Мировая война, прадеду исполнилось семнадцать. Его мать портниха (шила Марии Ермоловой) хотела, чтобы сын пошел в армию добровольцем, а не по мобилизации, поэтому его как вольноопределяющегося направили в полк рядовым, где он прослужил до января 1915 г., затем — в Алексеевское военное училище, а в мае того же года перевели в офицерскую стрелковую школу в Ораниенбауме. Здесь формировали отборные воинские части во Францию и проводили тщательный медицинский осмотр. Николай оказался в 8-м Особом пехотном полку, его произвели в фельдфебели и направили в 1-ю пулеметную роту; обязанностей у ротного фельдфебеля было немало — вся хозяйственная часть, а на стоянках — строевая. В 20-х числах октября 1915 г., прямо с парада полк из Москвы направили в Архангельск; оттуда, по Белому морю пароход отплыл за границу. Через 20 дней причалили к городку Брест на севере Франции, где жители города засыпали русских букетами и устраивали овации, приглашали в дома, угощали. Тем не менее, будущих спасателей Парижа разместили... на бойне. Через три дня отдыха полк перебросили на юг; ночью объявили тревогу и маршем повели в Марсель, а дальше — поездом — через всю Францию, — вероятно, с целью устрашения многочисленных военнопленных немцев в лагерях.

На параде в Париже французский маршал Жоффр удостоил правофлангового Николая Голубкова похвалой на ломаном русском: «Такой молодой, а уже командир. Молодец!» Потом был тяжелый бой за Верден и несколько ранений, когда Николая от явной гибели спас его унтер-офицер. За этот бой уже в госпитале Николая наградили французским крестом «Круа де герр». После выздоровления, прадеда и его боевых товарищей отправили на Балканы — в Салоники, защищать греков — союзников Франции. В феврале 1916 г. помощника командира роты тяжело ранило, и командир в докладной просил назначить вместо него смелого, находчивого и здраво рассуждающего фельдфебеля — моего прадеда. За разработку военной операции и ночную атаку под Салониками его представили к Сербскому кресту. После революции 1917 г., зная о популярности Николая Голубкова среди солдат (во время мирных пауз он организовал не только футбольную команду, но и самодеятельный театр), командование предложило ему выбор: дальнейшую службу в Иностранном легионе либо возвращение в Советскую Россию. Вопреки чаяниям офицеров, он — полуротный командир отказался служить французам, за что получил 20 ударов шомполами. В 1918 г. вся его рота вместе с ним вернулась на родину. Его сын Дмитрий, будущий писатель, в автобиографии вспоминал: «Рассказы отца — ветерана Первой Мировой, истинно русского человека, хранителя фамильных преданий, восходящих к временам Очакова и покорения Крыма и Цусимской морской битвы (участником ее был брат деда — героически погибший матрос крейсера «Память Азова») — оконкретили для меня русскую историю, приохотив воображение к темам родной старины».

С новеллы «Отцовский табак» — реквиема по старшему Голубкову, началась проза уже состоявшегося поэта, автора трех книг стихов, в том числе поэм «Поручик Лермонтов» и «Державин в Карелии». Дмитрий Николаевич поведал об этом в своем единственном интервью: «Рассказ родился таинственно... В свое время я написал небольшую поэму «Отец». Но характер отца, его жизнь требовали более раскованной, чем стихотворная, формы, особой походки — неторопливой, обстоятельной, оглядливой. И вот весной, под утро дня моего рождения мне приснилось, что я иду с отцом утренней подмосковной рощей. Я так явственно ощутил тепло его руки на моей голове, даже запах его табака (он редко вынимал изо рта дымящуюся трубку), что чуть не задохнулся от запоздалой нежности к нему...». Журналом «Огонек» рассказ был признан лучшей новеллой 1965 года.